

ОБРАЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ МОНОГРАФИЯХ 1920-Х ГОДОВ

Анна Вячеславовна Амелина —
младший научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: anna.v.amelina@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются первые чешские монографии о русской советской литературе (в том числе в контексте классической русской литературы), которые были опубликованы в 1920-е годы. При исключительном политическом и культурном плюрализме того времени русские писатели часто воспринимались чешскими критиками и исследователями сквозь призму политических взглядов первых, вследствие чего появлялись очень разные, а то и противоположные, трактовки творчества. Целью данной статьи было выяснить, насколько взгляды авторов влияют на видение русской литературы и как в связи с этим различаются подходы к ее исследованию. Идеиная ориентация авторов отразилась не только на интерпретации творчества русских писателей и литературного процесса в целом, но и на структуре их трудов. Ф. Кубка в книге «Поэты революционной России» (1924) дал философское видение революционной поэзии как представитель славянофильского, националистического крыла, рассмотрев поэтов разных идейных взглядов. И. Вайль в книге «Русская революционная литература» (1924) представил чешскому читателю панораму русской революционной литературы как носитель социалистических идей, рассматривая русских современных писателей с точки зрения того, насколько хорошо им удалось стать подлинными певцами революции. А. Врзал, будучи католическим священником, в книге «Краткая история новой русской литературы» (1926) показал историю русской литературы XX в. преимущественно с религиозных позиций.

Ключевые слова

Чешская литература, межвоенная литература, русско-чешские литературные связи, межславянские литературные связи, чешская русистика

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2019 г.

THE IMAGE OF RUSSIAN LITERATURE IN CZECH LITERARY MONOGRAPHS OF THE 1920S

Anna V. Amelina

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: inslav@inslav.ru

Abstract

The article deals with the first Czech monographs on Russian Soviet literature, including in the context of classical Russian literature, published in the 1920s. With exceptional political and cultural pluralism in this golden era of Czech history, Russian writers were often perceived by Czech critics and researchers through the prism of the political views of the latter, as a result of which very different, if not opposite, interpretations of their works appeared. This is clearly seen in publications in periodicals of different orientations, which has been shown in our previous studies. The aim of this article was to find out how the views of the authors influence the vision of Russian literature and how the approaches to its study differ in this regard. The ideological orientation of the authors affected not only the interpretation of the work of Russian writers and the literary process as a whole, but also the structure of their works. František Kubka in the book *Poets of Revolutionary Russia* (1924) gave a philosophical vision of revolutionary poetry as a representative of the Slavophile nationalist wing considering poets of different ideological views. Jiří Weil in the book *Russian Revolutionary Literature* (1924) gave the Czech reader a panorama of Russian revolutionary literature as a bearer of socialist ideas, viewing Russian contemporary writers in terms of how well they managed to become genuinely in praise of the revolution. Augustin Alois Vrzal, being a Catholic priest, in the book *A Brief History of New Russian Literature* (1926) showed the history of Russian literature of the twentieth century, mainly from a religious position.

Keywords

Czech literature, interwar literature, 1920s, Russian-Czech literary relations, inter-Slavic literary relations, Czech Russian studies

Received 5 November 2019.

Эпоха 1920-х годов для истории Чехии – это период культурного расцвета после обретения долгожданной независимости и создания национального государства, когда политические институты начали формироваться фактически заново. После строгой цензуры и замирания политической жизни в период войны первое межвоенное десятилетие принесло чехам невиданное разнообразие как политических движений, так и течений, направлений культуры и литературы. Характерной яркой особенностью последней является массовая политизированность авторов (литературных критиков, литературоведов и самих писателей).

В качестве примера приведу фельетон 1921 г. талантливого чешского сатирика И. Гауссмана¹, где новость о юбилее Л. Н. Толстого предстает у разных современных автору газет в самых разных культурно-политических оценках. Сатирик таким образом высмеивает идеологические ярлыки, которые публицисты вешают на столь многогранных писателей, как Толстой. *Národní listy* (буквально «Национальные листы»), издание с сильным националистическим уклоном, называет его типичным славянином и здравым националистом. Для коммунистического *Rudé právo* (буквально «Красное право») Толстой – первый бескомпромиссный коммунист. Национал-социалисты из газеты *České slovo* («Чешское слово») считают его социалистом-славянином. Католики из издания *Čech* говорят, что он был близок римско-католической церкви. Аграрники из газеты *Venkov* («Деревня») за его любовь к земле видят в нем защитника простого мужика. И так далее. Автор фельетона, безусловно, преувеличил, но в целом довольно наглядно изобразил среду, в которую попадает творчество русских авторов².

В рамках исследования восприятия русских писателей в Чехии нами было опубликовано несколько статей, посвященных С. А. Есенину³, где анализ критики показал, что чешские публицисты (от крайне левых до католиков и либералов) интерпретируют есенинскую поэзию преимущественно в зависимости от своих политических взглядов, отражая тем самым разные ее стороны: русский поэт рассматривается сквозь призму национализма, панславизма, догматов христианства, а в связи с коммунистической идеологией и революцией о нем пишут как об их противнике или же яром поборнике.

В 2019 г. была написана еще одна статья, расширяющая данную проблематику⁴, где анализируется восприятие русской и советской литературы в чешских массовых периодических изданиях левой ориентации. С одной стороны, в данной работе перечисляются опубликованные в них произведения русских авторов, с другой – прослеживается, какие писатели интересовали чехов больше всего и как они знакомились с новой советской литературой. Из всех авторов и произведений, появившихся

¹ *Hausmann J. Tryzna // Pešta P. Satirik převratu Jiří Hausmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.*

² Подробнее об основных направлениях литературы и литературной критики см. в труде: *История литературы западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. III. С. 424–478.*

³ См., напр.: *Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина в Чехии в 1950–60-е гг. // Современное есениноведение. 2019. № 2 (49). С. 11–20.*

⁴ *Амелина А. В. Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. С. 81–111.*

в левой периодике, сейчас широко известны лишь некоторые. Выбор в одних случаях был, на наш взгляд, обусловлен экзотичностью содержания и особенностями быта – например, жителей Киргизии или Дальнего Востока; в других произведение публиковалось в целях пропаганды вне зависимости от художественного уровня, в чем, впрочем, признавались сами редакторы. По материалам этой левой периодики мы можем сказать, что наиболее часто публикуемыми и известными на протяжении всех 1920-х годов являются следующие авторы: Блок, Есенин, Клюев, Маяковский, Короленко, Горький, из публицистов – Троцкий. Впоследствии планируется продолжить работу с чешской периодикой и исследовать издания других политических ориентаций.

Проблема русско-чешских литературных связей активно разрабатывается и в Чехии, и в России со второй половины XX в., когда культурное взаимодействие было усилено в том числе и политическими обстоятельствами. Среди отечественных исследователей следует отметить С. В. Никольского, Л. Н. Будагову, Н. К. Жакову, И. А. Герчикову, среди чешских – Яна Йишу, М. Заградку, М. Кучеру, О. Рихтерека и др.⁵

В данной статье мы остановимся на первых чешских литературоведческих монографиях о русской литературе, которые затрагивают не только классику, но и современное авторам творчество советских писателей, и проследим, как проявляется тенденция политизированности на уровне крупных исследовательских трудов, в частности, в работах Франтишека Кубки «Поэты революционной России» (1924), Иржи Вайля «Русская революционная литература» (1924), Алоиса Августина Врзала «Краткая история новой русской литературы» (1926)⁶. Первые две книги написаны профессиональными литературными критиками и знатоками русской советской литературы, третья – деревенским священником, переводчиком и славистом.

⁵ См., например: *Jiša J. Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd, 1956; Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и –советских литературных отношений и контактов. Red. E. Fojtíková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986; *Жакова Н. К.* Чешско-русские литературные связи в XIX веке. М. Ю. Лермонтов и чешская литература. Л.: ЛГУ, 1987. Общение литератур: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991; *Zahrádka M.* Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008.

⁶ *Kubka F.* Básníci revolučního Ruska. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924; *Weil J.* Ruská revoluční literatura. Praha: Jan Košatka, 1924; *Vrzal A.* Přehledné dějiny nové ruské literatury. Brno: A. Vrzal, 1926. Можно также назвать работу Вацлава Найбрта «Краткая история русской литературы» (*Najbrt V.* Stručné dějiny ruské literatury. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor], 1925), краткое пособие для учащихся, не представляющее для нас интереса в рамках темы данной статьи.

Разумеется, о русской литературе в своих трудах писали и многие другие авторы (в особенности отметим Б. Матезиуса, чей сборник лекций по русской литературе вышел отдельной книгой лишь в 1960-е годы), однако нас в данном случае интересуют именно первые монографии о русской литературе, написанные еще в отсутствие налаженных каналов взаимодействия между Чехией и Советским государством, которые, во-первых, являются относительно целостными концепциями литературного процесса, не отягощенными послевоенным догматизмом, во-вторых, дают нам интересный материал для изучения состояния общества и культуры Чехии 1920-х годов и иллюстрацию многообразия критической мысли сквозь призму родной и понятной нам русской литературы и, наконец, представляют порой неожиданную интерпретацию последней.

Ф. Кубка (1894–1969) был один из тех, кто знакомил чешского читателя с русскими современными писателями на страницах периодики, и уже к 1924 г., как и Вайль, он накопил достаточно материала для его обобщения. Кубка представлял славянофильское, условно националистическое крыло. Он был не только критиком, но и переводчиком с русского языка. Во время учебы был призван в армию и попал на русский фронт, а в 1915 г. оказался в плену, легионером прошел путь от Иркутска до Дальнего Востока. В России женился. В Чехию вернулся в 1921 г., окончил университет и поступил в аспирантуру. Много путешествовал по Европе.

Монография Кубки «Поэты революционной России» была издана как второй том серии «Народной библиотеки» либерального издательского центра «Авентинум». В своей работе автор пытается философски осознать явление русской революции. Это видно уже по оглавлению книги: «Неизменность», «Мистика революции», «Хаос и мистерия материи», «Пролетарские поэты», «Прояснения», «Перспективы». Во введении к труду Кубка обозначил его лейтмотив, отметив, что для большей части русской литературы явление революции являлось сакральным мифом о новом рае, достигаемом буйством стихии, и что мало кто задавался вопросом, не служит ли революция собственно реализацией материалистических принципов⁷. Вопреки своим националистическим взглядам Кубка рассматривает революцию не как явление исключительно негативное (что было характерно для его идейных соратников), а как явление чисто русское, как проявление русской национальной идеи и характера. Человеческая стихия, ставшая орудием в руках вождей, позволила народу избавиться от вековой культурной тьмы. Певцы революции, по мнению Кубки, после затихания бури от воспевания материи перешли к миру

⁷ *Kubka F. Básníci revolučního Ruska. S. 3.* (Здесь и далее перевод с чешского наш. — А.А.)

духовному, «последовательный материализм принес угрозу спиритуализма. Последовательная интернациональность – новый, глубокий национализм. Над обломками натурализма, чьей родиной были страна Достоевского, снова развеваются светлые знамена духа»⁸. Автор также поясняет, что в своей работе он рассматривает авторов, которые заняли определенную идеологическую позицию по отношению к революции и создавали свои произведения на территории России. То есть для него главным углом зрения при изучении современной ему русской поэзии является революция.

В первой главе «Неизменность» кратко характеризуются те поэты, на творчество которых революция коренным образом не повлияла: Брюсов, Бальмонт, Кузьмин, Н. Гумилев, Волошин, Городецкий, Северянин. В главе «Мистика революции» подробно разбирается творчество Блока и Белого. Именно им, по мнению автора, судьбой было предначертано выразить мистическую суть русской революции и ее стихийные истоки, чтобы осознать революцию как национальное движение, сакральными извилистыми путями ведущее к возрождению национализма. Далее Кубка заключает: «Александр Блок был русским националистом, хотя и относился к лагерю революционеров. <...> Русь для Блока является мистерией сама по себе»⁹. И ниже приходит к выводу: «Русская революция поднялась из материализма и была осмыслена мистикой. Революцию возглавляет незримый Христос. Революция преступна, подла и плоха – но ведет она в конечном итоге к Богу. Пафос революции – религиозный. Поэтому суть этой поэмы [“Двенадцать”] чисто русская. В ней, в условиях новых порядков, выживают герои Достоевского, верящие всеми фибрами души в того самого Бога, против которого восстали. <...> Революция есть добро, поскольку она русская»¹⁰. О Белом Кубка высказывается в том же ключе: «Революция есть мистерия. Такова основная мысль Андрея Белого. Он хотел видеть революцию *an sich* – не революцию пролетариата, не революцию последовательного марксизма и коммунизма <...>, а революцию таинственного движения человеческого духа»¹¹.

Следующая глава, «Хаос и мистерия материи», посвящена футуризму и имажинизму. В первом Кубка видит точки соприкосновения с большевизмом в борьбе против всего традиционного и упоре на материальное. Подробно разбирается творчество Маяковского, для которого Пушкин и белогвардейцы являются равноценными врагами его революционности.

⁸ Ibid. S. 6.

⁹ Ibid. S. 18.

¹⁰ Ibid. S. 34.

¹¹ Ibid. S. 36.

Кратко характеризуются Мариенгоф, Каменский, Хлебников; в рамках имажинизма подробно – Кусиков, Есенин. В связи с последним характерен у Кубки мотив создания новой мистерии в «Инонии», мистерии материи, нового рая, построенного на обломках Радонежа, а в заключение отмечаются его «славянские образы природы».

В главе «Пролетарские поэты» автор противопоставляет ожидания идеологов пролетарской поэзии и фактическую реализацию их догматов в поэтических текстах: «Так получилось, что в стихи, которые написаны людьми насквозь материалистических воззрений, незаметно прокралась душа. В жесткой мужицкой пролетарской поэзии столько нежного и человеческого смиренного, что стихотворения о фабрике, о беспризорниках, о войне с польской шляхтой имеют тон молитвы. Душа, которая носит морщины жестокого жизненного опыта – по-другому они писать не могут!»¹².

Глава «Прояснение» посвящена поэтам, которые не приняли деятельного участия в революции, оставшейся для них идейно чуждой, но в личном плане она полностью перевернула их жизни и поэтическое нутро, что отразилось в их творчестве: Иванову, Ахматовой, Клюеву, Сологубу.

В заключительной главе Кубка делает общие выводы о новой русской поэзии, в основе которой лежит философская борьба между спиритуализмом и материализмом, – то есть, по мнению автора, на сцене революции выступил вечный русский дуализм, характерный для творчества Достоевского: материализм, порой с мистическим компонентом, нашел своих последователей среди футуристов, а мистика, русская душа, православие – среди идеалистов. Эти романтические мистики видят в революции приход Третьего Рима, новое Царство Божие и возрождение человечества через смерть и страдание. Третья группа – пролетарские поэты, сыны марксистской революции. Но будущее Кубка видит в новом идеализме.

И. Вайль (1900–1959, чешский писатель еврейского происхождения, литературный критик, журналист и переводчик) также одним из первых открывал для чешского читателя русскую современную литературу, но уже в основном на страницах левых периодических изданий. Он изучал славянскую филологию, в период учебы стал членом литературной группы «Деветсил» и работал переводчиком в российском представительстве в Праге. Несколько раз в 1933–1935 гг. бывал в СССР. Будучи сначала убежденным коммунистом, в 1937 г. за роман «Москва-граница» был исключен из компартии за критическое изображение Советской России. Писал для литературных журналов и других периодических изданий. Много переводил с русского, в том числе Маяковского, Пастернака, Горького и др.

¹² Ibid. S. 83.

В 1932 г. Вайль издал собственный сборник советской поэзии – *Sborník sovětské revoluční poezie*.

В своих статьях о русской литературе Вайль интересовался прежде всего революционной литературой, новым советским искусством, порожденным тектоническим историческим сдвигом. Это проявилось и в его монографии 1924 г. «Русская революционная литература». Отбор, очевидно, проводился с точки зрения того, удалось ли автору стать подлинным певцом революции, – это подчеркивается непрерывно. Что касается структуры работы, если у Кубки разделение на главы обусловлено больше идейно-философским отношением к революции, то у Вайля оно более традиционное – сообразно художественным течениям.

Первая глава «Революция и русская литература» поясняет, почему именно революция ставится в книге во главу угла. Он утверждает, что революция застала русскую литературу в период кризиса: господствующий символизм распадался, а новый футуризм не дал этой эпохе ничего, кроме теоретических статей и пылких манифестов, в то время как революция, колоссальное социальное потрясение, в один момент избавляет от кризиса и освобождает литературу из плена правил и формул, приближая ее к жизни¹³. Далее автор говорит, что возникла необходимость творить в настоящем, поскольку возврат к старому был невозможен, а революция не давала уйти в идиллию. При этом полностью изменилось отношение к классикам, и именно после революции пришло подлинное понимание Достоевского. Влияние революции на русскую литературу, по мнению Вайля, заключалось в ее опрощении, приближении к народу, и именно это вывело ее из кризиса. Революция вынудила литературу не обращаться к избранным личностям, а влиться в жизнь, язык поэзии стал языком улиц.

Следующие главы посвящены различным литературным направлениям. Начинает Вайль с «Угасающего реализма», где выстраивает традицию от Гоголя до новой прозы Белого и Ремизова. По его мнению, реализм не подходит для эпохи революции с ее бурлением и хаосом, она требует новых форм, как, например, у А. Толстого. Горький, в свою очередь, реалист лишь по форме, а по содержанию – романтик нового господствующего класса.

Говоря о символизме, автор останавливается на тех поэтах, которые революцию приняли: Брюсове, который видел в ней путь к Западу, Белом, усмотревшем в ней, наоборот, поворот к Азии, и Блоке, романтик-рационалисте, влюбившемся в революцию так, что был готов простить ей и кровь, и смерть, и уничтожение культуры¹⁴. Вместе с Блоком, по мнению

¹³ Weil J. Ruská revoluční Literatura. S. 7.

¹⁴ Ibid. S. 25.

Вайля, умер единственный поэт из символистов, который полностью отдал себя служению революции: «В революции он написал лучшую поэму, при революции умер»¹⁵.

В главе «Футуризм и левое искусство» автор противопоставляет западный буржуазный футуризм русскому футуризму примитивизма с его опорой на идеологию народничества. По его мнению, довоенный футуризм не был в русской литературе значим, однако революция его идейно переродила. «Маяковский – подлинный поэт, рожденный революцией, трибун улиц, в которые он выкрикивает стихи своей эпопеи <...>. Сегодня он самый знаменитый поэт во всей России, а его стихи декламируются почти на каждом собрании»¹⁶. Так же подробно разбираются Каменский, Асеев, Хлебников, Пастернак, Эренбург (поскольку поменял отношение к большевикам после эмиграции). Как ответвление футуризма выделяется имажинизм, который видится смесью эпигонов футуризма – Шершеневича и Мариенгофа и двух настоящих самостоятельных поэтов – Есенина и Кусикова, и далее они подробно характеризуются. Первый для автора ценности не представляет, поскольку революция на него никак не повлияла. А вот Есенин «выкрикнул свое слово лишь при революции и лучше всего о революции»¹⁷.

В главе о пролетарской поэзии Вайль детально описывает первый шаг ее создания – разработку идеологического плацдарма, заключая, что современная пролетарская поэзия – это прежде всего поэзия. Здесь подробно рассматриваются Александровский, Гастев, Кириллов и Казин.

В главе «Новая русская проза» кратко характеризуются ее истоки и традиции, особенно Достоевский, а также творчество Ремизова, Замятина, Зощенко, Никитина, более подробно – Пильняка. По мнению Вайля, новая проза избавляется от психологизма и между Толстым и Достоевским выбирает путь первого.

Подводя итоги, автор утверждает, что революция возвращает русскую литературу на самобытный путь и отдаляет ее от западной литературы, тем самым давая ей возможность влиять на последнюю своей уникальной новизной, как когда-то произошло с русским реализмом.

А. Врзал (1864–1930) очень отличается от двух предыдущих авторов. Он был католическим священником, бенедиктинцем, славистом, переводчиком, работал преподавателем теологии, затем капелланом в небольших моравских поселках. Был трудолюбивым исследователем, по словам его

¹⁵ Ibid. S. 27.

¹⁶ Ibid. S. 30.

¹⁷ Ibid. S. 43.

друга, учившим католиков любить русское православие. Известно, что он вел переписку с Чеховым, Горьким и Короленко. Долгие годы он работал сначала над историей русской литературы XIX в., а затем издал труд, охвативший уже и XX в., – «Краткую историю новой русской литературы» (1926). В предисловии он отмечает сложность своей работы, связанную с невозможностью постоянно иметь доступ к источникам и отслеживать новинки. До Врзала историю русской литературы знали только по книге В. Найбрта, краткого пособия для учащихся (брошюра чуть более 60 страниц). Новую русскую литературу Врзал начинает с Пушкина как ее основателя.

Последняя треть книги охватывает у Врзала XX век и состоит из следующих глав: «На рубеже двух столетий. Канун пролетарской революции», «Л. Андреев», «Религиозно-мистический символизм и его противники: имажинисты и футуристы» и «Мировая война и пролетарская революция. Хаос в жизни и литературе». Позиция автора, с одной стороны, проглядывает сквозь отбор авторов и пропорциональность уделенного им внимания. С другой стороны, порой он выражает ее прямо, особенно это очевидно в последних главах по нарастающей.

Первая из перечисленных глав посвящена Горькому, Бунину (отмечается изменение поэтики после 1905 г. в сторону объективного изображения жестоких реалий), Куприну, Золотареву, Шмелеву, Амфитеатрову, отдельно рассматриваются неореалисты (А. Толстой, Зайцев, Сергеев-Ценский) и «порнографы». По поводу последних Врзал пишет: «Когда революция 1905 г. достигла определенной политической свободы <...>, некоторые писатели начали провозглашать развязность, свободную любовь, гедонистский материализм <...>, это приводило к этическому, нравственному и общественно-политическому нигилизму <...>. Спустя несколько лет книжный рынок заполнился русскими порнографическими рассказами и романами»¹⁸, где грязь прикрывалась политическим мученичеством.

Отдельная глава посвящена Л. Андрееву, чья судьба и взгляды были, очевидно, интересны и даже близки Врзалу: «После всего этого перекручивания известных событий и скопления у Андреева эффектов света и тьмы намного сильнее нас притягивает очаровывающая простота правды, тихое и трагичное слово Евангелия о человеке, который предал своего Бога»¹⁹.

В следующей главе, о символистах и футуристах, автор излагает идеи Соловьева и анализирует творчество Блока, с которым полемизирует: «Блок хотел возвысить пролетарскую революцию до космической, мистически

¹⁸ *Vrzal A. Přehledné dějiny nové ruské literatury. S. 233.*

¹⁹ *Ibid. S. 237.*

связать революционные мотивы с религиозными <...>. Но ведь революция отказалась от Бога, Христа, креста <...>. И Блок вскоре осознал немистический характер пролетарской революции»²⁰. Так же подробно рассматривается Белый, который тоже впоследствии высмеял свой революционный мистицизм, затем кратко – акмеисты (Н. Гумилев, Ахматова, Городецкий), эгофутуристы и кубофутуристы.

В последней главе о революционных годах литература рассматривается по разделам. Очень сжато – писатели в эмиграции (Бунин, Шмелев, Куприн, Мережковский, Ремизов, Цветаева), погибшие (Л. Андреев, Блок, Гумилев и др.), писатели во «внутренней эмиграции» (Замятин, Сологуб). Вскользь упоминаются писатели, принявшие советскую власть и революцию (Блок, Брюсов, Вересаев, Серафимович, «попутчики» – Эренбург, Пильняк, Вс. Иванов, Сейфуллина и др.).

Далее идут пореволюционные футуристы и имажинисты; много внимания уделено Маяковскому, однако характеристика его отличается от традиционной для чешской печати: «Уже в стихах 1909–1914 гг. отразилось его дьявольское восстание против Бога, неукротимое богохульство, низкий материализм, воинственное учение о пролетарском рае на земле, симпатия к отбросам человеческого общества, проституткам, сифилитикам, заклятая ненависть сытых мещан, вандалское стремление к уничтожению старой культуры, всех ценностей искусства, музеев, литературы»²¹.

В разделе о сельской поэзии основное внимание уделяется Есенину, и в отличие от Вайля, Врзал рассматривает и раннее творчество поэта. Но после «Инонии», «после этих лишенных надежды, беспомощных криков, уродующих светлую поэзию молодости, Есенину уже нечего было сказать. Очевидно, Инония его разочаровала, он возлагал надежды на деревню, навестил родной край»²².

Заключительным аккордом стал раздел о пролетарской литературе, в котором автор выразил свое отношение к революции: «Революция распространила в России насилие коммунистических догм и теорий над идеями и чувствами, придушила свободное художественное творчество, подавила свободу печати <...>, выбросила из библиотек Пушкина, Толстого, Достоевского, преследовала писателей из круга интеллигентов. И хотя советское правительство признало необходимость искусства и литературы <...>, его стремление организовать пролетарскую культуру с помощью просветительских организаций <...> не принесло литературе

²⁰ Ibid. S. 246–247.

²¹ Ibid. S. 270.

²² Ibid. S. 273.

никакой пользы <...>. В целом пролетарская идеология однолика, бездушно материалистична, деструктивна, а пролетарская поэзия воспевает борьбу, ненависть и смерть <...>. В ней нет образов живых людей, теплых чувств, вместо жизни здесь много теории, тезисов, формул. Какой будет правда и красота новой жизни – об этом пролетарские поэты не говорят, они лишь указывают на красные знамена <...> и пишут скорее агитки»²³. И тем не менее в итоге Врзал признает, что новая русская литература не может быть создана эмигрантами, а только в России, но без обращения к корням и традициям это невозможно.

Таким образом, мы можем заключить, что если Кубку и Вайля интересовали прежде всего феномен революции и его отражение и влияние на литературу, пусть и с разных позиций – национализма и социализма, то Врзал отрицал революцию полностью и попытался показать чешскому читателю русскую литературу более объемно с точки зрения литературного процесса, но под религиозным углом зрения. Анализ этих монографий дополняет мозаичный образ русской литературы, созданной чешской литературной критикой 1920-х годов, обобщив, расширив и заострив отрывочные тезисы кратких статей периодики отдельных направлений.

Литература

Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина в Чехии в 1950–60-е гг. // Современное есениноведение. 2019. № 2 (49). С. 11–20.

Амелина А. В. Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. редактор Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. С. 81–111. DOI 10.31168/91922–081–7.4.

Жакова Н. К. Чешско-русские литературные связи в XIX веке. М. Ю. Лермонтов и чешская литература. Л.: ЛГУ, 1987.

История литературы западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. III. С. 424–478.

Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и советских литературных отношений и контактов / red. E. Fojtíková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986.

Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991.

Hausmann J. Tryzna // Pešta P. Satirik převratu Jiří Hausmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.

²³ Ibid. S. 275–276.

- Jiša J. *Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd, 1956.
- Kubka F. *Básníci revolučního Ruska*. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924.
- Najbrt V. *Stručné dějiny ruské literatury*. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor], 1925.
- Vrzal A. *Přehledné dějiny nové ruské literatury*. Brno: A. Vrzal, 1926.
- Weil J. *Ruská revoluční Literatura*. Praha: Jan Košatka, 1924.
- Zahrádka M. *Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008.

References

- Amelina A. V., 2019. Russkie pisateli v cheshskoi srede 1920-kh gg.: periodika levogo politicheskogo kryla [Russian writers in the Czech environment of the 1920s: periodicals of the left political wing] In: Sozina Iu.A., ed., 2019. *Rol' Rossii v rasprostraneniі znanii o slavianstve* [Russia's role in spreading knowledge about Slavic world] Moscow: Lingvistika, pp. 81–111. DOI 10.31168/91922-081-7.4.
- Amelina, A.V., 2019. Vospriiatie S.A. Esenina v Chekhii v 1950–60-e gg. [Perception of S.A. Yesenin in Czech lands in the 1950–1960s]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2 (49), pp. 11–20.
- Budagova, L.N., ed., 2001. *Istoriia literatury zapadnykh i iuzhnykh slavian. T. III*. [History of literature of the Western and Southern Slavs. Vol. 3]. Moscow: Indrik, pp. 424–478.
- Fojtíková, E., ed., 1986. *Puti k druž'iam. Iz istorii cheshsko-slovatsko-russkikh i –sovetskikh literaturnykh otnoshenií i kontaktov* [Ways to friends. From the history of Czech-Slovak-Russian and –Soviet literary relations and contacts]. Praha: Lidové nakladatelství.
- Hausmann, J., 1999. *Tryzna*. In: Pešta, P. 1999. *Satirik převratu Jiří Hausmann*. Praha: Atlantis, pp. 238–242.
- Jiša, J., 1956. *Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd.
- Kubka, F., 1924. *Básníci revolučního Ruska*. Praha: Ot. Štorch-Marien.
- Najbrt, V., 1925. *Stručné dějiny ruské literatury*. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor].
- Nikol'skii, S.V., ed., 1991. *Cheshsko-russkie i slovatsko-russkie literaturnye sviazi 19–20 vv.* [Czech-Russian and Slovak-Russian literary relations of the nineteenth – twentieth centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR.
- Vrzal, A., 1926. *Přehledné dějiny nové ruské literatury*. Brno: A. Vrzal.
- Weil, J., 1924. *Ruská revoluční Literatura*. Praha: Jan Košatka.
- Zahrádka, M., 2008. *Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Ústí nad Orlicí: Oftis.
- Zhakova, N.K., 1987. *Cheshsko-russkie literaturnye sviazi v 19 veke. M. Iu. Lermontov i cheshskaia literatura* [Czech-Russian literary relations in the nineteenth century. M. Yu. Lermontov and Czech literature]. Leningrad: LGU.